

УДК 343.3.7

DOI 10.17223/23088451/11/26

Д.В. Карелин

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ О КРИМИНАЛЬНОМ БАНКРОТСТВЕ

Рассмотрены некоторые аспекты полноты уголовно-правовой охраны законных прав и интересов кредиторов в случае ликвидации юридического лица. Проведена оценка применимости норм о криминальном банкротстве в зависимости от видов ликвидации юридического лица (добровольная и принудительная). Сделан вывод о проблемности уголовного закона в рассматриваемой части. Обосновываются и предлагаются изменения, направленные на совершенствование механизма уголовно-правовой охраны отношений в сфере банкротства должника-юридического лица.

Ключевые слова: криминальное банкротство, субъект преступления, ликвидатор.

Постановка проблемы. Созданное юридическое лицо может быть ликвидировано как по решению его учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом (добровольная ликвидация), так и по решению суда (принудительная ликвидация). В соответствии со ст. 65 ГК РФ «Признание юридического лица банкротом судом влечет его ликвидацию». Ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам.

К сожалению, именно это законодательное положение зачастую воспринимается некоторыми участниками правоотношений как «руководство к действию», как способ легального ухода от исполнения принятых на себя обязательств». Наиболее контрастно это проявляется в использовании в этих целях механизма несостоятельности (банкротства) юридического лица.

Важной гарантией защиты прав и законных интересов кредиторов несостоятельного юридического лица являются нормы Уголовного кодекса России, предусматривающие ответственность за так называемые «банкротские преступления» («преступления в сфере банкротства, «криминальные банкротства»), закрепленные в ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 «Преднамеренное банкротство» и в ст. 197 «Фиктивное банкротство».

В соответствии с указанными выше статьями уголовно-правовая защита интересов кредиторов осуществляется с момента наличия (при наличии) признаков банкротства, в процессе банкротства, а также в случае фиктивного и преднамеренного банкротства. Круг субъектов этих преступлений достаточно широк – это либо общий субъект (ч. 1 ст. 195 УК РФ), либо специальный (учредитель, участник общества, индивидуальный предприниматель или руководитель юридического лица).

Вместе с тем возможна ситуация, когда ликвидация, начавшаяся как добровольная, перерастает в принудительную (судебную), когда ликвидационной комиссией установлена недостаточность имущества юридического лица для удовлетворения всех требований кредиторов (это ликвидация смешанного вида. – Д.К.). Дальнейшая ликвидация такого юридического лица может осуществляться только в порядке, уста-

новленном законодательством о несостоятельности (банкротстве). Для этого в соответствии со ст. 63 ГК России ликвидатор (ликвидационная комиссия) должен обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве юридического лица, если такое юридическое лицо может быть признано несостоятельным (банкротом).

В результате в процессе ликвидации появляются потенциально новые субъекты правоотношений (ликвидатор, члены ликвидационной комиссии), чьими действиями может быть причинен ущерб интересам кредиторов как в преддверии банкротства, так и доведением до него либо фиктивным заявлением о банкротстве.

Принимая во внимание приведенные положения гражданского законодательства и нормы Уголовного кодекса России, возникает вопрос, достаточно ли учитывает действующее уголовное законодательство специфику видов ликвидации юридического лица и, как следствие, предусматривает ли уголовно-правовые средства защиты прав и законных интересов кредиторов юридического лица при смешанной ликвидации юридического лица, наравне с ее другими видами, в частности при банкротстве?

Для ответа обратимся к диспозициям норм ст. 195, 196 и 197 УК РФ. Они, как известно, являются сложными, описательными и бланкетными.

За исключением ч. 1 ст. 195 УК РФ, которая не конкретизирует субъектов преступления путем их перечисления, в других нормах о банкротских преступлениях субъект является специальным. Но таких лиц, как ликвидатор или член ликвидационной комиссии, в них не предусматривается.

Следовательно, даже если к ликвидационной комиссии (ликвидатору) в силу прямого указания ГК РФ (ст. 62) «переходят полномочия по управлению делами юридического лица», то в силу ст. 3 УК РФ они не подлежат уголовной ответственности.

Иными словами, ликвидатор, доведший в процессе ликвидации юридического лица до банкротства (преднамеренное банкротство, ст. 196 УК РФ) или заявивший заведомо ложные сведения о банкротстве (фиктивное банкротство, ст. 197 УК РФ), либо неправомерно удовлетворявший имущественные требования отдельных кредиторов за счет имущества должника –

юридического лица при наличии признаков банкротства (неправомерные действия при банкротстве, ч. 2 ст. 195 УК РФ), не подлежит уголовной ответственности.

Из системного толкования Особенной части УК РФ следует, что нормы ст. 195–197 УК РФ являются специальными по отношению к другим положениям, предусматривающим ответственность за нарушение прав кредиторов, так как распространяются на отношения, возникающие в процессе банкротства либо в его преддверии.

Однако в нарушение правил квалификации (правило соотношения общей и специальной нормы) в рассматриваемом случае необходимо обратиться к иным (общим) нормам, предусматривающим ответственность за злоупотребления лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. В соответствии с прим. 1 к ст. 201 Уголовного кодекса России «таким признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях».

Согласно ч. 4 ст. 62 Гражданского кодекса России, «с момента назначения ликвидационной комиссии к ней переходят полномочия по управлению делами юридического лица. Ликвидационная комиссия от имени ликвидируемого юридического лица выступает в суде. Ликвидационная комиссия обязана действовать добросовестно и разумно в интересах ликвидируемого юридического лица, а также его кредиторов».

Таким образом, ликвидатор, как лицо, которое по специальному полномочию выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в ликвидируемой организации, является субъектом преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ.

Не переходя к анализу других признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, отметим, что ее санкция строже, чем санкция нормы ч. 2 ст. 195 УК РФ, но мягче, чем санкции иных норм о банкротских преступлениях. Поэтому, даже если предположить, что ст. 201 УК РФ охватывает все случаи злоупотреблений ликвидатора (ликвидационной комиссии), как это предусмотрено в ст.ст. 195–197 УК РФ (за искл. ч. 1 ст. 195 УК РФ), то данное обстоятельство является еще одним аргументом в пользу бессистемности и несовершенства норм, предусматривающих уголовно-правовую охрану интересов кредиторов в преддверии банкротства (при банкротстве).

Еще больше вопросов возникает при сопоставлении других (помимо субъекта) элементов составов преступлений, предусмотренных ст. 201 УК РФ и ст.ст. 195–197 УК РФ.

Не останавливаясь на соотношении непосредственного основного и непосредственного дополнительного объектов составов рассматриваемых преступлений, а также предметах, признаках субъективной стороны, на способах совершения этих преступлений (которые мо-

гут полностью совпадать), обратимся к их преступным последствиям.

Составы рассматриваемых преступлений сформулированы как материальные, то есть общественно опасные последствия являются обязательным признаком объективной стороны каждого из рассматриваемых преступлений.

Согласно ч. 1 ст. 201 УК, ответственность за злоупотребление наступает, если действия повлекли «...причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства». В то время как диспозиции всех банкротских преступлений предполагают «...причинение крупного ущерба».

Понятие крупного ущерба формализовано и применительно к отдельным преступлениям, предусмотренных главой 22 УК РФ (за исключением поименованных статей). Оно раскрывается в примечании к ст. 170.2 УК РФ и составляет... «два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей».

Понятие же «существенный вред» – оценочное и должно быть установлено в каждом конкретном случае исходя из всех обстоятельств дела.

В п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» сказано, что «При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.».

Таким образом, даже не вдаваясь в виды вреда, а ограничиваясь только имущественным, отметим, что если банкротство предваряет добровольная ликвидация юридического лица, то уголовно-правовая защита интересов кредиторов жизненна лишь при «существенности» причиненного вреда, причем только в случае его доказанности, поскольку прямо связана с имущественным положением и финансовым состоянием кредитора.

С другой стороны, очевидно, что «существенным» может быть признан материальный ущерб, составляющий 1 млн рублей и даже меньше.

Вместе с тем законодатель, «оценивая» степень общественной опасности злоупотреблений лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, провел грань между преступным и непроступным именно по размеру ущерба в сумме 2,25 млн рублей.

Следовательно, на практике могут возникнуть ситуации, которые схематично можно представить следующим образом:

1. Кредитор – ущерб более 2,25 млн руб., но для него незначителен – нет состава преступления.
2. Кредитор – ущерб более 2,25 млн руб., но для него незначителен – есть состав преступления.
3. Кредитор – ущерб менее 2,25 млн руб. – ущерб для него незначителен.

Очевидны недостатки в криминализации и законодательная недоработка. К сожалению, для уголовно-правовой охраны отношений в сфере экономической деятельности они являются скорее правилом, чем исключением.

Иными словами, при фактической тождественности действий и, как следствие, одинаковой степени общественной опасности деяний лиц (ликвидатора и, например, руководителя юридического лица) возможность уголовно-правовой защиты будет обратно пропорциональна имущественному положению кредитора.

Как правило, широкое использование законодателем оценочных категорий всегда «является узким местом» правоприменительной практики, потенциально являясь коррупционной нишей.

Учитывая изложенное, в рассмотренной части уголовный закон нуждается в совершенствовании. Должны быть приведены к одному знаменателю по степени общественной опасности деяния лиц, выполняющих управленческие функции в юридическом лице независимо от вида ликвидации юридического лица (добровольная или принудительная). Ныне санкции за банкротские преступления находятся в диапазоне от 1 до 6 лет лишения свободы за тождественные деяния.

С точки зрения юридической техники диспозиции норм, предусматривающие ответственность за криминальные банкротства (ст.ст. 195–197 УК РФ), должны быть дополнены указанием на совершение предусмот-

ренных в них действий также ликвидатором (председателем ликвидационной комиссии).

Несмотря на значительное количество вопросов, возникающих в практике применения норм о криминальном банкротстве, поныне не принято соответствующее постановление Пленума Верховного Суда России, но проект («О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с банкротством») обсуждается уже более пяти лет. На наш взгляд (если оно выйдет до предлагаемых изменений в Уголовный кодекс России), его необходимо дополнить разъяснениями, которые позволят избежать на практике проблем квалификации действий ликвидаторов либо членов ликвидационной комиссии должника-юридического лица, путем указания на то, что «...при оценке вреда как существенного, применительно к имущественному вреду, следует принимать во внимание размер ущерба, установленный в качестве признака преступлений, посягающих на тождественные общественные отношения, в частности в сфере банкротства должника-юридического лица».

По нашему мнению, также является неудачным, чрезмерно расширительным и противоречащим ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации предлагаемое в данном проекте постановления толкование руководителя юридического лица – «...в юридических лицах при их ликвидации – члены ликвидационной комиссии либо ликвидатор».

ON THE SUBJECT OF CRIMINAL BANKRUPTCY

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2018, no. 11, pp. 136–138. DOI 10.17223/23088451/11/26
Dmitry V. Karelin, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Keywords: criminal bankruptcy, subject of crime, liquidator.

The institute of bankruptcy in Russia is dynamically developing and the legislation regulating it is constantly being improved. However, with a significant annual increase in the number of bankruptcy procedures conducted, the number of recorded crimes (criminal bankruptcies) remains negligible. This is mainly due to the blanket nature of dispositions of the relevant legal norms. The present article provides a system analysis of some aspects of the completeness of protection of legal rights and interests of creditors in case of liquidation of a legal entity in terms of civil and criminal legislation. The author assesses the sufficiency of the penal prohibition and the applicability of the norms on criminal bankruptcy depending on the types of legal entity liquidation (voluntary and forced). He concludes about the gaps in this criminal law and proposes changes aimed at improving the legal protection of relations in the field of bankruptcy of the debtor-legal entity.